

Чарская Лидия Алексеевна

Газават

**Тридцать лет борьбы горцев за
свободу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Газават: Тридцать лет борьбы горцев за свободу / Чарская Лидия Алексеевна –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 360 с.

ISBN 978-5-521-29775-7

ISBN 978-5-521-29775-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГАЗАВАТЪ

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ БОРЬБЫ ГОРЦЕВЪ ЗА СВОБОДУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

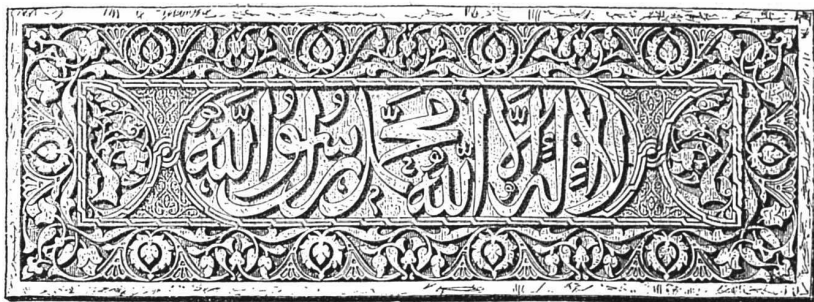
Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 10 оригинальными иллюстраціями И. Смунировича и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ проф. Горшелята, проф. Грузинскаго, Тимма и друг. русскихъ художниковъ.

ИЗДАНИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. ОБОЛЬСЬ
• ЕПБУРЪ • МОСКВА •

Отъ издателей.

ЯРКО и выпукло выдѣляется на страницахъ русской исторіи минувшаго вѣка героическая эпопея многолѣтней, упорной, ожесточенной, стоившей много крови, многихъ усилій, борьбы за владычество надъ горами Чечни и Дагестана.

Цѣлыхъ тридцать лѣтъ длилась эта борьба, выдвигувъ многихъ, многихъ георевъ изъ рядовъ какъ русской арміи, такъ и нашихъ враговъ.

Со стороны горцевъ это была послѣдняя, отчаянная попытка сохранить независимость, свободу; со стороны русскихъ — твердое рѣшеніе завершить увеличеніе государства на границахъ Азіи приобрѣтеніемъ и подчиненіемъ русскому владычеству многихъ неприступныхъ горныхъ ауловъ.

Возгорѣвшаяся изъ-за этого священная война, „газавать“, какъ называли ее горцы, заняла очень видныя страницы въ исторіи завоеванія нами Кавказа.

На фонѣ этой героической борьбы, полной трогательныхъ эпизодовъ самоотверженности русскихъ воиновъ—

отъ генерала до солдата—и доходящей до самозабвенія отчаянной храбрости горцевъ—отъ простого узденя до главнаго вождя, имама, включительно — произошли событія, описанныя въ настоящей книгѣ.

Герои и героини повѣсти: молодой русскій офицеръ, его другъ, сынъ вождя возставшихъ горцевъ, привязавшійся къ Россіи и полюбившій русскихъ, юная страдальница-христіанка, попавшая въ плѣнъ къ горцамъ, свирѣпый и жестокий воинъ-мюридъ, добрая, сострадательная чеченка и пр. пр.—это большею частью лица историческія, имена которыхъ записаны на скрижаляхъ войны за завоеваніе Кавказа. Всѣ они группируются вокругъ знаменитаго вождя кавказскихъ мюридовъ, Шамиля, являющагося какъ бы центромъ и главнымъ рычагомъ многолѣтней борьбы горцевъ за вѣру и свободу.

Описанныя въ книгѣ событія наглядно иллюстрированы многими рисунками, часть которыхъ составляютъ специально исполненныя изображенія отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ повѣсти, другая же часть—копіи съ картинъ и рисунковъ, воспроизводящихъ историческія событія и принадлежащихъ кисти или карандашу извѣстныхъ художниковъ. Кромѣ того помѣщены также портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей этой знаменательной эпохи.

Настоящая книга предназначена для юношества. Но при ея составленіи авторъ руководствовался словами незабвеннаго, великаго русскаго критика Бѣлинскаго: „Только то сочиненіе хорошо и полезно для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, написанное для всѣхъ“.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ.

ЗАЛОЖНИЦЪ.

ГЛАВА I.

Предсказаніе Фатимы.

ЛЯ-ИЛЛЯХЪ-ИЛЛЬ Алла!—звучить протяжно-заунывный призывъ съ высоты башни мусульманскаго храма.

— Ля-илляхъ-илль Алла!—вторитъ ему эхо недоступныхъ горныхъ стремнинъ и глубокия темныя бездны.

— Ля-илляхъ-илль Алла!—снова выкрикиваетъ высокій, бронзовый отъ загара, старикъ въ бѣлой одеждѣ, медленно поворачиваясь лицомъ къ востоку и, помолчавъ немного, добавляетъ тѣмъ-же пѣвучимъ, гнусавымъ голосомъ:

— Магометъ-рассуль-Алла!

Это мусульманскій священникъ — мулла, призывающій правовѣрныхъ къ обычной утренней молитвѣ.

Солнце медленно и плавно поднялось надъ горизонтомъ и, брызнувъ цѣлымъ потокомъ лучей, окрасило пурпуромъ и мечеть и аулъ съ его крошечными хижинами — саклями, въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, прикрѣпленныхъ къ вершинамъ огромной недоступной скалы.

Утро начиналось. Аулъ оживился.

Плоскія кровли саклей стали покрываться молящимися. Одинъ за другимъ спѣшили правовѣрные — какъ называютъ себя мусульмане — совершать утреннюю молитву — *сабахъ-намазъ*. Быстро совершивъ обычное омовеніе, они разстилаютъ небольшіе коврики, такъ-называемые намазлики, и, примостившись на нихъ, шепчутъ молитвы. Лица ихъ повернуты къ востоку — такъ какъ на востокѣ находится священный городъ Мекка, гдѣ родился и умеръ Магометъ, святой пророкъ мусульманъ, основатель ихъ вѣры. И, приступая къ молитвѣ, они повторяютъ тѣ же слова, которыми мулла призывалъ прежде всего къ намазу: „Ля-илляхъ-илль Алла, Магометъ-рассуль-Алла!“ — „Нѣтъ Бога, кромѣ Единаго Бога и Магомета — пророка его!“ — слова, составляющія основу мусульманской религіи.

Изъ внутреннего двора сакли или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ саклей, соединенныхъ между собою крытыми галлереями, обнесенныхъ каменною стѣною и носившихъ громкое названіе сераля, т. е. дворца, вышла небольшая толпа женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ укутаны чадрами или покрывалами, плотно охватывающими весь станъ и голову и имѣющими лишь маленькія отверстія для глазъ. Это замужнія: по закону Магомета онѣ не имѣютъ права открывать лица внѣ дома и при мужчинахъ. Рядомъ съ ними, держась немного поодаль, слѣдуютъ дѣвушки, съ открытыми лицами, съ длинными черными косами, перевитыми золочеными и металлическими бляхами, въ то

время какъ у женщинъ даже волосы скрыты подъ чадрой.

Двое изъ женщинъ, шедшихъ впередъ, одѣты наряднѣе остальныхъ и держутся онѣ какъ-то особнякомъ отъ толпы. Прочія, слѣдуя за ними на почтительномъ разстояніи, несутъ на своихъ сильныхъ плечахъ глиняные кувшины. Впереди женщинъ бѣгутъ два мальчика, одѣтые въ длиннополые кафтаны, обшитые галунами и пе-

Видъ аула въ Дагестанѣ.

ртянутые поясами серебряной чеканки съ чернью. За пояса заткнуты маленькіе кинжалы. Въ блестящихъ, пришитыхъ на груди, патронникахъ заложены патроны. На бритыхъ, по горскому обычаю, головенкахъ—мохнатыя папахи изъ бѣлаго барана.

Одинъ изъ мальчиковъ выше и стройнѣе. У него красивое тонкое личико, прямой точеный носъ и черные глаза, сіяющіе искренностью и добротою. Другой—рыжеватый и плотный, съ лицомъ, исполненнымъ лукавства, далеко

уступаетъ первому въ стройности и красотѣ лица и фигуры. И все-таки, и черненькій и рыжій мальчикъ похожи другъ на друга какъ два родные брата. Они и есть братья, сыновья великаго имама, вождя, первосвященника и полновластнаго повелителя горцевъ, отъ одного слова котораго зависитъ жизнь тысячей преданныхъ ему воиновъ. Съ мальчиками—жена и сестра имама,—ихъ мать и тетка, и цѣлая толпа каравашъ, т.-е. служанокъ.

Маленькое шествіе не вышло на улицу, а боковымъ ходомъ, проложеннымъ между пристройками, окружающими дворецъ имама, стало спускаться по уступамъ къ пропасти. Прыгая съ утеса на утесъ и скользя по горнымъ тропинкамъ, съ чрезвычайной ловкостью минуя валуны и камни, они достигли наконецъ дна пропасти, гдѣ бѣшено металась, ревѣла и стонала пѣнящаяся рѣка Койсу.

Шедшія впереди женщины усѣлись надъ крутымъ отвѣсомъ рѣки и отбросили съ лицъ покрывала.

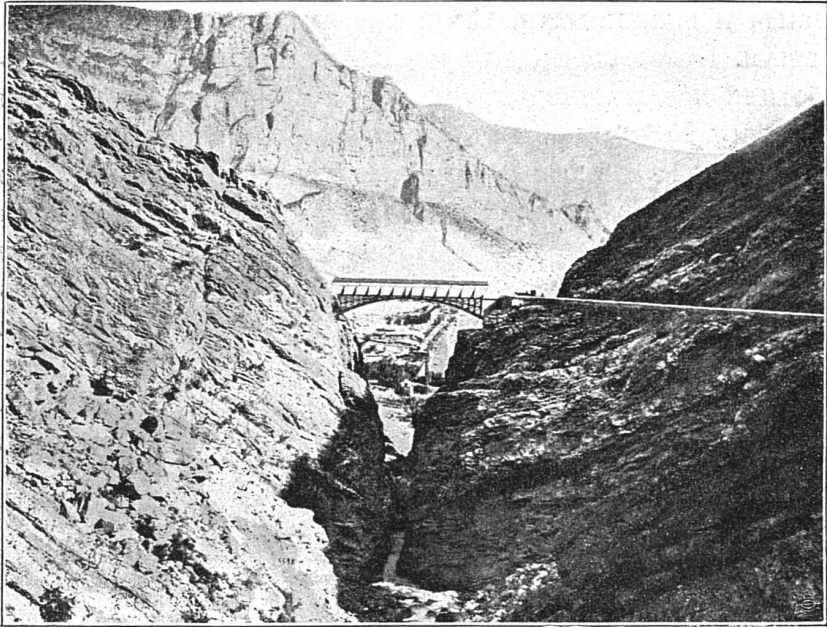
Одна изъ нихъ, черноокая стройная красавица лѣтъ 23-хъ, съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій горный воздухъ и съ дѣтски безпечной улыбкой смотрѣла на небо. Другая, тоже еще далеко не старая горянка, была-бы не менѣе красива, нежели ея спутница, еслибъ не выраженіе глубокой печали, смѣшанной съ озлобленіемъ, не искажало ея исхудалыхъ чертъ. Первая изъ нихъ—постарше—была жена имама и носила имя Патиматъ; вторая—ея золовка по имени Фатима, была женою Хасбулата бека, одного изъ старшихъ начальниковъ-наибовъ и приближенныхъ имама.

Обитательницы дворца имама не имѣютъ права выходить на улицу и показываться на глаза народу, но сегодня онѣ нарушили дворцовый обычай: зная, что ихъ повелитель находится въ храмѣ джаміи, на священномъ таинствѣ, онѣ рѣшили воспользоваться случайной свободой. Ихъ служанки отошли въ сторону, чтобы наполнить кувшины гремучею струею потока. Мальчики тоже занялись

между собою, бросая мелкіе камешки въ Койсу и веселыми звонкими голосами будя утреннюю тишину.

Патиматъ, оставшись наединѣ съ золовкой, попрежнему мечтала, не отрываясь глазами отъ неба.

„Слава Аллаху, хорошо здѣсь! — думала она. — Правда, далѣко не такъ хорошо, какъ въ родимыхъ Гим-

Рѣка Кара-Койсу.

рахъ, а все-таки лучше и привольнѣе, нежели въ духотѣ сераля... Гимры! Далекое онѣ! Родныя Гимры, дорогой аулъ, взятый и сожженный русскимъ, гдѣ она выросла и расцвѣла на волѣ, откуда шла замужъ. Тутъ все такъ пусто и уныло; тамъ все покрыто нѣжной растительностью... Тамъ и чинары, и дубы, и каштаны растутъ въ изобиліи... А въ маѣ цвѣтутъ куполообразныя миндальныя деревья и райны, кроваво-красные цвѣты граната мелькаютъ тамъ и сямъ среди пушистой зелени вѣтвей; бѣлыя азалии и голубоватыя очи горныхъ цвѣтовъ кра-

сиво ласкаютъ глазъ... Здѣсь, въ этомъ мрачномъ Ахульго, ничего этого нѣтъ..."

Далеко уже не радостно взглянула она на повисшія отвѣсно надъ бездной скалы и, глядя на укрѣпленныя бойницы башенъ, вдругъ улыбнулась лукаво и самодовольно.

„За то здѣсь они въ безопасности — и великій имамъ, и она, и дѣти! Сюда врагамъ-русскимъ не пробраться. Недоступенъ для нихъ Ахульго. Обо всемъ позаботились защитники-горцы. Одна Сурхаева башня, что на берегу Койсу, противъ стараго замка, способна навести страхъ. Пусть разгораются у нихъ очи, у проклятыхъ гяуровъ, какъ у дикихъ шакаловъ на добычу, а Ахульго не взять имъ, не взять!“—И она разсмѣялась по-дѣтски заразительно и звонко. Потомъ вдругъ сразу осѣклась, неожиданно встрѣтивъ на себѣ взглядъ золовки, весь исполненный мрачнаго отчаянія и тоски.

Что-то больно кольнуло въ самое сердце Патимать... „Ну, можно-ли радоваться и смѣяться, когда рядомъ съ нею такое безпредѣльное горе?“

Въ два прыжка она очутилась подлѣ золовки и, обнявъ ее и заглядывая ей въ глаза, залепетала ласково и сердечно:

— Фатима-джанымъ ¹, бѣдная ласточка горныхъ ущелій, не тоскуй! я знаю, о чемъ ты горюешь... Судьба сына твоего Гамзата мучаетъ тебя. Ты страдаешь потому, что его отдали русскимъ въ аманаты, въ заложники. Они, какъ побѣдители, потребовали, чтобы имамъ послалъ имъ своихъ близкихъ родственниковъ въ обезпеченіе, что не будетъ воевать съ ними больше. Что было дѣлать? Пришлось согласиться—и отдать имъ, вмѣстѣ съ другими, твоего Гамзата... Но успокойся: и твой Гамзатъ, и племянники Кибитъ-Магома въ безопасности у гяуровъ. Вѣдь

¹ Душа моя.